

Действующие лица и события романа вымышлены, и сходство их с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.

Автор

Яркая луна висела в тёмном небе точно хрустальный магический шар. И не хватало только зеркальных отражений, потому что реки, озёра и ручьи были не просто покрыты льдом, но и запорошены снегом...

Морис Миндаугас, сотрудник детективного агентства «Мирослава», стоял у окна и думал о том, как быстро летит время. Совсем недавно они втроем, нет, вернее, вчетвером, хозяйка частного детективного агентства Мирослава Волгина, следователь по особо важным делам Александр Наполеонов, для друзей просто Шура, сам Морис и кот Дон встречали Новый год, и вот уже, как говорят в России, на носу День святого Валентина. Трудно сказать, прижился ли здесь этот праздник влюблённых. Вроде бы да и в то же время не очень. Опять же, как говорят русские, бабушка надвое сказала. Но ему этот праздник нравился, и он пытался придумать, что же такое подарить Мирославе, чтобы подарок наверняка обрадовал её. Шура, будучи другом детства Волгиной, уверял Мориса, что знает её как облупленную и то ли в шутку, то ли всерьёз утверждал, что сделать Волгину счастливой может только кот.

— Но кот у Мирославы уже есть! — возражал Морис.

— Тогда — загадочное преступление, — не задумываясь ни на секунду, отвечал Наполеонов.

— Типун тебе на язык! — чисто по-русски в сердцах восклицал Миндаугас. Он даже мысли не допускал, что убийство может кого-то сделать счастливым, и пытался донести эту мысль до Наполеонова.

Но тот отмахивался:

— Я сказал тебе русским языком, расследование убийства, а не само убийство как таковое. — Наполеонов выразительно постучал костяшками пальцев по собственному лбу.

— Слова «расследование» ты не произносил! — рассердился Морис.

— Значит, я подумал об этом про себя, — хмыкнул Шура.

— Ты невыносим!

— Ничего подобного! — не согласился Наполеонов, уверенный в том, что он подарок судьбы для любого, с кем ему доводилось общаться.

Так что вопрос о подарке так и остался висеть в воздухе.

* * *

Влад не помнил, как он добрался до своей холостяцкой квартиры, как непослушными пальцами вставил ключ в замочную скважину, как открыл дверь, не раздеваясь, прошёл в комнату и упал в кресло.

Снег таял на его волосах и стекал вниз по щекам и подбородку, оставляя влажные дорожки, точно такие, как оставляют слёзы от переполняющей

душу боли. Хотя он сам не понимал, плакал ли он и смешивались ли его слёзы с каплями растаявшего снега.

Опомнившись, наконец, он прижал ладони к щекам и, раскачиваясь из стороны в сторону, повторял одно и то же:

— Жанна! Как же так, Жанна! Как ты могла?!

Он так и просидел до утра в кресле. И ничуть не удивился тому, что дверь его квартиры распахнулась и комнату заполнили люди в форме и без неё. Влад и не думал сопротивляться, когда на него надели наручники, покорно спустился вниз и сел в полицейскую машину.

Вот только на допросе у следователя он упорно отрицал свою вину, повторяя одно и то же:

— Я не убивал Жанну. Я любил её.

Глава 1

Выпавший в начале ночи снег ещё не успел посе- реть от выхлопных газов и переливался всеми цве- тами радуги под лучами утреннего солнца.

Инна выбралась из машины. От автостоянки до дома подруги пройти пешком всего ничего. Шла она не спеша, с удовольствием, поглядывая по сто- ронам.

Улыбнулась и произнесла еле слышно:

— Красиво-то как! На деревьях иней, как на рес- ницах Снегурки.

Инна набрала номер кодового замка, вошла в подъезд, поднялась на второй этаж, собралась позвонить в дверь и вдруг заметила, что та приот- крыта. «Странно, — подумала Инна, — не похоже на Жанку». Но забыв о предосторожности, она тол- кнула дверь и вошла в прихожую, крикнула с по- рога:

— Жанна!

Ей никто не ответил, Инна хотела разуться, но передумала, прошла по коридору и заглянула в го- стиную. Никого. Дверь в спальню была закрыта. «Неужели спят до сих пор, — подумала она с улыб- кой, — умаялись небось за ночь голубки», — и посту-

чала костяшками пальцев по двери, а потом нажала на ручку.

То, что она увидела, лишило её дара речи на несколько секунд. А потом она закричала так, как никогда в жизни не кричала, и опрометью бросилась из квартиры.

Опомнилась женщина только на лестничной площадке. И вызвала полицию. «Скорую» вызывать не стала. Её бедной подруге теперь ни один врач не поможет, будь он хоть самим Гиппократом.

Шура, он же следователь Александр Романович Наполеонов, проснулся в прекрасном настроении у себя дома, в собственной постели. «Как хорошо», — подумал он, приоткрывая глаза и успевая заметить сквозь ресницы то, как разлетаются остатки сладкого сна. Улыбка, появившаяся на его губах, устроилась поудобнее в уголках рта.

Чему он радовался? В молодости люди часто радуются таким простым вещам, как никем не потревоженный сон, домашнее тепло, звук маминых шагов, позвякивание посуды на кухне, аромат крепкого кофе, шкворчание яичницы.

А тут ещё за окном пушкинский пейзаж:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит...

Короче — мороз и солнце!

«Прямо как в детстве, — подумал Шура, выбравшись из постели, он на цыпочках подошёл к окну и, отодвинув штору, стал смотреть на улицу, — неу-

жели в городе воздух стал чище? Хотя с чего бы это? Автомобили со двора и тем более с улиц никто не выгонял».

Шура вздохнул, потёр одной босой ногой о другую, постоял ещё немного так в позе цапли, переменял ногу, потянулся и направился в ванную. «Интересно, что сегодня приготовил на завтрак Морис». Наполеонов поймал себя на том, что, вспоминая о подруге детства Мирославе Волгиной, он всё чаще думает не о ней, а о Миндаугасе, вернее, о том, что же вкусенького тот приготовит к его появлению в их доме. Шура засовестился, встал под душ, а потом принялся изо всей силы растирать своё тело махровым полотенцем.

Войдя на кухню, он первым делом чмокнул в щёку мать:

— Доброе утро, ма!

— Доброе утро, сыночка, — отозвалась Софья Марковна, довольная уже тем фактом, что сын ночевал дома и теперь она может накормить его завтраком.

— Надеюсь, что яичница сегодня с беконом? — напустив на себя притворную важность, спросил Шура.

— Ешь с чем дают! — весело отозвалась мать.

— Значит, бекона нема? — Шура забавно принялся к еде на своей тарелке.

— Нема, — согласилась Софья Марковна, — зато ветчина фермерская и очень вкусная.

— Ладно уж, поверю тебе на слово, — проворчал сын и принялся за обе щёки уплетать яичницу, приготовленную матерью. — Ма, а знаешь, вкусно, — проурчал он.

— Догадываюсь, — усмехнулась женщина и тоже стала есть.

— Ма, а булочка есть? — жалобно спросил Шура, отодвигая от себя опустевшую тарелку.

— Какая ещё булочка? — сделала она вид, что не понимает.

— С изюмом!

— Ты хочешь из неё изюма себе наковырять? — спросила Софья Марковна, стараясь изо всех сил не рассмеяться.

— Ма! Я серьёзно! — обиженно проговорил сын. — А ты всё какие-то детсадовские анекдоты вытаскиваешь на свет божий, которым уже сто лет, кстати.

— Булочки нет, — серьёзно ответила Софья Марковна, — зато есть ватрушки с творогом, такие, как ты любишь.

— А где они? — живо отреагировал сын.

— В духовке, вестимо!

— А я-то думаю, откуда это так вкусно ванилином пахнет. — Шура от предвкушения предстоящего удовольствия радостно потёр одну ладонь о другую.

Софья Марковна смотрела на него и улыбалась, а думала она о том, что в последние годы не так уж часто выпадает ей возможность побаловать сына его любимыми лакомствами. Он либо пропадает на работе с раннего утра до позднего вечера, а иногда и ночами, свои свободные вечера и выходные предпочитает проводить с друзьями, как правило, в доме у своей подруги детства, ныне частного детектива Мирославы Волгиной. Софья Марковна отлично понимала сына и не обижалась на него. Сама когда-то была молодой.

Впрочем, и сейчас она не считала себя старой, имела широкий круг подруг и знакомых, вела активный образ жизни. К тому же, несмотря на то, что Наполеонова давно не вела концертную деятельность и не преподавала, она по-прежнему охотно консультировала своих многочисленных бывших учеников и время от времени бралась заниматься с новыми. Детей же, желающих получить уроки у Софьи Наполеоновой, всегда хватало.

Глядя на сына, с удовольствием бречащего на гитаре, Софья Марковна вздыхала украдкой. В своё время она надеялась, что единственный сын пойдёт по её стопам, на рояле Шура играл бегло, но научился игре, только чтобы угодить матери. И после того как она перестала просить его сесть за инструмент, он и не смотрел в сторону рояля.

Зато друг Шуры сотрудник детективного агентства «Мирослава» Морис Миндаугас играл на рояле великолепно! И можно без преувеличения сказать, самозабвенно, так как во время игры полностью уходил в мир музыки. Но музыкантом тоже не стал. Мечтал стать адвокатом. А стал сыщиком. Правильно заметил поэт, что «нам не дано предугадать...» и не только, как отзовётся наше слово, но и наши планы на будущее.

Софья Марковна считала, что у Миндаугаса талант, и когда он появлялся в их доме, усаживала его за рояль. Он и не возражал. Глядя на его летающие над клавишами длинные ухоженные пальцы, она думала о том, что причиной его пребывания в их городе была Мирослава. Не встретить её Морис, только бы его здесь и видели.

Интересно то, что Наполеоновой никогда не приходило в голову, что её Шура тоже может влюбиться в Мирославу или она в него. Эти двое с самого первого дня, а познакомились они в раннем детстве, относились друг к другу, как брат с сестрой. Правда, был ещё третий, двоюродный брат Мирославы Виктор, самый близкий друг Шуры Наполеонова. Виктор пошёл по стопам своего отца, выбрал профессию военного и давно уже не был дома. Можно вспомнить и о Людмиле Стефанович, которая была четвёртой в их детской и подростковой компании. Но сейчас Шура виделся с Люсей редко, так как интересы их разошлись. У Шуры следственная работа, а у Людмилы автосервис.

Зато с родителями Люси Софья Марковна виделась часто, они по-прежнему жили в одном дворе. Несмотря на то что средства на приобретение новой квартиры у них теперь имелись: отец был в бизнесе компаньоном дочери, менять старое привычное жильё на новостройку старшие Стефановичи не собирались.

— Ма, ты о чём задумалась? — окликнул Софью Марковну сын.

— О тебе, Шурочка, — тотчас откликнулась она.

— Ты знаешь, ма, я бы съел ещё одну ватрушку, но боюсь, что тогда не пролезу в дверь своего кабинета. — Он весело рассмеялся.

— Потом доешь, — сказала Софья Марковна, — ватрушка от тебя никуда не убежит.

— Ты уверена? — спросил он, и на лице его было разлито большое сомнение.

— Уверена, — улыбнулась мать.

— Так и быть, оставлю её на потом, но только под твою личную ответственность, — проговорил он строгим голосом.

— Иди уж на работу, прокурор!

— Ма! Ты что-то путаешь! Я не прокурор, а следователь.

— Но тон у тебя прокурорский, — не сдавалась мать.

— Наверное, до прокурора я дорасту в будущем, — улыбнулся Шура, — а пока голос тренирую.

Софья Марковна шутя замахнулась на сына кухонным полотенцем, и он тотчас испарился. Уже из прихожей она услышала его голос:

— Пока, мамуля! Я тебе позвоню!

— А где обнимашки? — спросила Софья Марковна капризно. Но за сыном уже захлопнулась дверь, и она рассеянно улыбнулась, переключаясь мысленно на дела, которые у неё запланированы на сегодня.

Из дома Шура вышел в прекрасном настроении, весело напевая себе под нос одну из песенок собственного сочинения. Вывел из гаража свою белую «Ладу Калину», любовно погладил её по капоту:

— Ласточка моя, — и сел за руль.

Пробки ещё не успели образоваться, да и дороги, вычищенные ночью, ещё не успел занести снег, так что своё прекрасное настроение до работы Шура Наполеонов по дороге не расплескал.

Войдя в родное учреждение, он едва удержался от того, чтобы не побежать вверх по лестнице вприпрыжку, но сдержал себя и поднялся чинно и степенно, как и полагается ответственному лицу,

то есть следователю. Проходя мимо секретаря Эллы Русаковой, он приветливо с ней поздоровался и даже улыбнулся девушке.

Она, по всей видимости, тоже была рада его видеть и, не в силах сдержать распирающее её чувство, даже подскочила на стуле. Наполеонов слегка попятился назад. Не собирается ли она, чего доброго, броситься ему на шею. К этому он был не готов. Он уже хотел было сказать ей, что нельзя так бурно проявлять свои чувства. Но нет, она не собиралась бросаться в его объятия, просто громко воскликнула:

— А я прямо заждалась вас, Александр Романович!

— Я, конечно, тронут. Но с чего бы это? — отозвался он осторожно.

— Так вас уже несколько раз Фёдор Поликарпович спрашивал! Вот я и сижу, вас дожидаясь, как на иголках.

— Такую рань? — вырвалось у Наполеонова.

Элла только пожала плечами.

Солодовников Фёдор Поликарпович был начальником Наполеонова, и если он искал его с самого утра, то это не могло предвещать ничего хорошего.

— И зачем я ему понадобился? — спросил он Эллу на всякий случай.

— Мне об этом он не доложил, — Элла развела руками, словно выражая таким образом меру своего сожаления о нежелании начальства вводить в курс дела секретаря.

«Вот, — подумал следователь, — всегда найдутся люди, которые испортят тебе самое распрекрасное настроение». Наполеонов не раз убеждался в этом